

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ ВОЛИ, ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ И ПОРОКА ВОЛИ В ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ СДЕЛКИ

А.А. ПАНОВ,

магистр права (Оксфорд), аспирант кафедры гражданского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В предлагаемой вниманию читателей статье рассматриваются такие основополагающие для учения о сделке категории, как воля, волеизъявление и порок воли. В частности, обсуждается понятие воли как элемента состава сделки, а также вопрос о необходимости направленности воли на порождение юридических последствий. Кроме того, рассматриваются функции и характеристики волеизъявления как необходимого элемента состава сделки. На основании анализа доктрины и судебной практики автором делается попытка предложить более удачное понимание категории «порок воли».

Ключевые слова: сделка, воля, волеизъявление, пороки воли.

This article discusses the basic categories of the doctrine of legal transaction: the will, the declaration of will and the defects of will. In particular, the article addresses a definition of the will as an element in the structure of legal transaction, as well as the question as to requirement for the will to be directed on production of certain legal effect. In addition, the article discusses the functions and characteristics of the declaration of will as an essential element in the structure of legal transaction. On the basis of analysis of scholarly writings and court practice the author seeks to suggest a more sound understanding of the defects of will.

Keywords: transaction, will, declaration of will, defects of will.

Учение о сделке занимает одно из центральных мест в отечественной теории гражданского права. В то же время, как представляется, учению о сделке уделяется недостаточное внимание со стороны современных ученых. Подавляющее большинство научных работ и диссертаций, подготовленных в последнее время, были посвящены не столько общей теории сделки, сколько отдельным аспектам этой теории — прежде всего недействительности и форме сделок. На фоне неразработанности отдельных вопросов общей теории сделки такой выбор тем представляется не совсем оправданным.

Отечественная доктрина по традиции признает волю и волеизъявлению ключевыми элементами состава юридической сделки. В то же время раскрытие содержания этих понятий невозможно без четкого понимания того, что представляют собой пороки воли. Настоящая работа посвящена обсуждению трех указанных категорий и является попыткой проанализировать и по необходимости предложить собственную трактовку названных понятий.

Воля в теории юридической сделки

Воля является конститутивным элементом любой сделки. Соответственно, изучение феномена воли как элемента состава сделки является необходимым и полезным для развития учения о сделке.

Воля лица, направленная на совершение сделки, традиционно рассматривается как психологический феномен. В этом смысле волю зачастую определяют либо как намерение¹, либо как желание² лица совершить сделку. Представляется, что для целей настоящего исследования принципиальной разницы между намерением и желанием нет³.

Не совсем понятно, однако, насколько желание совершить сделку можно включать в состав сделки в качестве элемента. Например, А имеет желание совершить сделку, которую совершить не может, — продать необходимый ему в работе инструмент. Б, в свою очередь, по необходимости приобретает продукты питания, в то время как его желания направлены на приобретение новой видеоигры. Какое из «желаний» будет иметь определяющее значение с точки зрения теории сделки? Можем ли мы в первом примере сказать, что у А сформировалась воля на совершение соответствующей сделки, а во втором констатировать, что приобретение Б продуктов питания противоречило его истинной воле? Очевидно, нет. Следовательно, желание лица нельзя приравнивать к воле на совершение сделки.

¹ См., например: Mantigk A. Willenserklärung und Willensgeschäft. Berlin, 1907. S. 150, 605.

² См., например: Гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2006. С. 440 (автор главы — В.С. Ем).

³ Вряд ли различия между этими понятиями имеют существенный характер. Поэтому для краткости в дальнейшем будет использоваться только термин «желание». При этом следует всегда помнить, что этим термином в работе, если не указано иное, обозначается как «намерение», так и «намерение».

В.А. Ойгензихт рассматривает волю как психологический регулятивный процесс⁴. Такой регулятивный процесс можно разделить условно на две стадии: этап формирования воли и этап принятия решения. Более подробно процесс формирования воли у лица, совершающего сделку, можно представить следующим образом:

- 1) формирование воли начинается с мотивации — осознания потребностей, формирования желаний и намерений⁵;
- 2) затем лицо мотивированно ставит перед собой цели;
- 3) вырабатывает возможные пути достижения этих целей;
- 4) происходит «борьба мотивов» и «обсуждение способов достижения цели»⁶;
- 5) в результате принимается решение.

Разумеется, выделение указанных стадий является во многом условным, поскольку волевой регулятивный процесс может иметь более сложную или более простую структуру. Иногда решение принимается мгновенно, без дополнительного обдумывания. Бывает также, что этап выработки возможных путей достижения поставленных целей повторяется многократно в силу тех или иных причин. Однако можно утверждать, что всегда есть этап формирования воли и этап принятия решения. На последнем этапе воля формируется окончательно и оформляется в виде решения. И.Б. Новицкий также отмечает, что внутренний волевой акт завершается принятием решения⁷. Вместе с тем все указанные подходы продолжают рассматривать волю именно как психологический феномен.

Итак, с психологической точки зрения воля представляет собой некий психический регулятивный процесс, завершающийся принятием решения. Однако и в таком виде воля не может являться элементом правовой конструкции юридической сделки, поскольку при этом в правовую конструкцию в качестве элемента вводится неюридическая категория.

Относительно недавно была опубликована статья Н.В. Курмашева, в которой делался вывод о необходимости разработки правового понятия сделочной воли⁸.

⁴ Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983. С. 16.

⁵ Как видим, намерение или желание представляет собой лишь начальный этап в волевом процессе, а поэтому никоим образом не может рассматриваться в качестве самой воли даже сторонниками психологического понимания воли.

⁶ Об этом см., например: Нуркова В.В., Безрезанская Н.Б. Психология: Учебник. М.: Юрайт-Издат, 2004. С. 208–209.

⁷ Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М., 2006. С. 194. (Классика российской цивилистики.)

⁸ Курмашев Н.В. Учение о воле в юридической сделке в советской и современной российской цивилистической науке // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 83.

Необходимо, однако, отметить, что такая необходимость отмечается не в первый раз. Например, Я. Шапп отмечает, что воля в психологическом понимании есть некая абстракция, которая ничем не может помочь юристу, ищущему волю в сделке или договоре⁹. В. Флуме также полагает, что под «сделочной волей» (rechtsgeschäftlicher Wille) следует понимать не «волю как психологический факт, но ту волю, которая принадлежит к признанному правопорядком составу юридической сделки»¹⁰.

В свое время Н.А. Дювернуа отмечал, что юридическая переработка естественных понятий органически присуща юриспруденции. В конечном счете право работает с некими условными формализованными понятиями: «лицо», «юридическое лицо», «сделка», «способы определения и исчисления сроков»¹¹.

Однако идея юридической переработки такой психологической категории, как воля, не имеет всеобщей поддержки. Например, В.А. Ойгензихт выступал против введения особой юридической категории воли: «совершенно не допустимо искусственно создавать «свои» понятия, искать специфику там, где ее нет, видеть задачу в конструировании этих понятий, а не в их специфическом применении»¹².

Тем не менее мы соглашаемся с теми авторами, которые считают, что для целей включения в состав юридической сделки понятие воли должно получить специфическое юридическое наполнение. Разумеется, нет смысла отрицать, что воля является психологической категорией, как, скажем, вина, и это должно являться отправной точкой любого исследования категории воли. Вместе с тем юридическая переработка позволит четко отграничить случаи, когда действительно можно говорить об окончании процесса формирования юридически-значимой сделочной воли.

Итак, в соответствии с приведенными выше позициями воля является психическим регулятивным процессом, в результате которого принимается определенное решение. Нас в данном случае интересуют только процессы, в рамках которых формируется воля, направленная на совершение сделки. Очевидно, что юридическое значение воли на совершение сделки может приобретать не весь процесс формирования воли, а лишь принятое в результате такого процесса решение — ведь именно принятием решения завершается соответствующий психический процесс. Все предшествующие этому этапы регулятивного процесса не имеют самостоятельного значения, поскольку являются лишь сту-

⁹ Schapp J. Grundfragen der Rechtsgeschäftslehre. Tübingen, 1986. S. 25–26.

¹⁰ Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Zweiter Band: Das Rechtsgeschäft. Berlin, 1975. S. 52.

¹¹ Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке. М., 2004. С. 71.

¹² Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 5.

пенями формирования решения. Все предшествующие принятию решения этапы по сути представляют собой мотивы, под воздействием которых формируется воля.

Д.Д. Grimm полагает, что решение не составляет необходимого составного элемента всех волевых актов, а встречается только в тех случаях, где данному волевому акту предшествует так называемая борьба мотивов – решение знаменует в таких случаях торжество одного из мотивов¹³. Под мотивами же Д.Д. Grimm понимает все те сочетания представлений и чувств, все те соображения, под влиянием которых мы избираем, во-первых, данный конечный результат из числа нескольких возможных и, во-вторых, данные специальные средства для его достижения, данные объекты¹⁴.

Представляется, однако, что решение составляет необходимый элемент любого сделочного волевого акта, поскольку в том или ином виде борьба мотивов имеется во всех случаях формирования воли на совершение сделки.

Но даже сформированное описанным способом решение о совершении сделки еще не становится само по себе элементом состава юридической сделки. Для этого принятое решение должно быть соответствующим образом выражено, объективировано¹⁵. Целью такой объективации является введение факта, существующего до этого только в сознании одного участника оборота, в правовое поле. Только после соответствующей объективации воля на совершение сделки становится значимой для права и распознаваемой для участников оборота. Соответственно, только после этого воля на совершение сделки превращается в элемент состава юридической сделки.

Таким образом, с точки зрения предлагаемого подхода волю как элемент состава юридической сделки предлагается понимать как принятое в результате внутреннего регулятивного процесса решение о совершении соответствующей юридической сделки, выраженное в волеизъявлении.

Одним из наиболее существенных недостатков психологического понимания воли считается неспособность такого подхода объяснить механизм формирования сделочной воли юридического лица¹⁶. Ясно, что желание может быть только у человека, поскольку оно представляет собой явление психологического порядка, формируется в рамках психики индивида. У юридического лица не может быть ни внутреннего психического мира, ни желаний. Попытки объяснить волю юридического лица через волю его органов являются не совсем убе-

¹³ Grimm Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Т. 1. СПб., 1900. С. 228.

¹⁴ Grimm Д.Д. Указ. соч. С. 275–276.

¹⁵ Manigk А. А.а.О. S. 604.

¹⁶ См.: Курмашев Н.В. Указ. соч. С. 74–75.

дительными, поскольку не объясняют феномен формирования воли юридического лица коллективными органами управления.

Органы юридического лица традиционно делятся на волеобразующие и волеизъявляющие¹⁷, причем в ряде случаев воля образуется в рамках одного органа, а изъясняется другим органом юридического лица. Например, решение о совершении сделки может быть принято общим собранием участников общества, а волеизъявление совершается генеральным директором общества.

Если рассматривать волю на совершение сделки как принятое в результате определенного регулятивного процесса решение, выраженное в волеизъявлении, то проблема объяснения природы воли юридического лица достаточно просто решается. Процесс принятия решения о совершении сделки в этом случае будет проходить не в психике субъекта (как в случае с физическим лицом), а при осуществлении соответствующим органом управления своих функций с соблюдением установленного для таких решений порядка их принятия.

Так, если совет директоров должен принять решение о совершении определенной сделки, члены совета директоров голосуют по этому вопросу в соответствии с правилами, установленными внутренними документами организации. В результате такого голосования будет сформулирована воля юридического лица применительно к совершению соответствующей сделки. Эта воля будет в дальнейшем выражена генеральным директором общества.

Таким образом, коллективные органы управления функционируют как своего рода социальные организмы. В ходе деятельности такого организма формируется соответствующая воля, которая имеет не психологическую, а юридическую природу. При этом аналогия с процессом формирования воли физического лица здесь будет достаточно полной. Можно условно говорить, что воля физического лица формируется в его внутреннем мире – в его психике, а воля юридического лица – также в его внутреннем мире, в процессе деятельности его органов. Похожим образом происходит постановка целей, борьба мотивов, а также выработка и формулировка решения. Принятые решения зачастую обозначают внутренний диалог принимающего решения, когда различные варианты взвешивают как бы внутренние собеседники, которые представляют противоположные силы в психике лица. То же самое происходит и в процессе коллективного принятия решения, только этот диалог выносится в объективный мир, обсуждение совершается уже не внутри психики, а в объективном мире. В то же время от иных участников оборота это обсуждение оказывается скрыто так же, как явления, происходящие в психике физического лица.

¹⁷ См.: Черепяхин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. С. 303. (Классика российской цивилистики.)

Можно сказать, что это своего рода укрупненная модель принятия решения психологического. Вместе с тем здесь возникает новый дополнительный уровень принятия решения, когда решение принимается не только в психике участвующих лиц, но и в процессе обсуждения с другими участниками процесса принятия решения.

Другим недостатком психологического подхода к определению воли как элемента юридической сделки следует считать сформированное под влиянием такого подхода представление о пороках воли в сделке. Но об этом речь пойдет чуть дальше.

Очевидно также, что не любое решение следует признавать юридически значимой волей с точки зрения теории сделки. Каким же образом отграничить решение о совершении сделки (которое будет юридически релевантным) от иных решений (юридически иррелевантных)? Единственным способом выявить именно решение, имеющее значение для сделки, будет установление цели, которую лицо должно перед собой ставить при принятии решения. Тем более что сделка обычно определяется как действие, направленное на порождение определенных правовых последствий¹⁸.

Развитие теории сделки показало, что применительно к цели лица, вступающего в сделку, существует два противоположных подхода. Один из них предполагает, что воля лица направлена на создание именно правовых последствий. Такой подход получил название *Rechtsfolgetheorie* и является сегодня, пожалуй, господствующим не только в немецкоязычной литературе¹⁹. Сторонники другого подхода утверждают, что вполне достаточно, чтобы воля лица была направлена на некое экономическое или социальное последствие (*Grundfolgetheorie*)²⁰. Аргументы сторонников обеих теорий необходимо разобрать подробнее.

Сторонники *Grundfolgetheorie* обоснованно утверждают, что большинство участников повседневного экономического обмена не являются юристами, поэтому от них нельзя требовать знания тех юридических последствий, которые вызываются сделкой. А главное — утверждать необходимость представления участниками оборота перед совершением их сделок тех юридических последствий, которые будут этой сделкой порождены, — значит грешить против истины. Безусловно, не задумываются о юридическом эффекте своих действий домашние хозяйки, покупающие еду на рынке, студенты, берущие у своих друзей

¹⁸ Так, в ст. 153 ГК РФ сделка определяется как действие, направленное на порождение, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

¹⁹ См. подробнее: *Bydliński F.* Privatautonomie und objektive Grundlagen des verpflichtenden Rechtsgeschäftes. Wien, 1967. S. 8 ff.; *Kozlowski H., Welsner R.* Grundriss des bürgerlichen Rechts. 2 Bände. Bd. I. 12. Auflage. Wien: Manz, 2002. S. 87–88; *Manigk A.* A.a.O. S. 150.

²⁰ См., например: *Flume W.* A.a.O. S. 54; *Stampe E.* Das Causa-Problem des Civilrechts: Eine rechtspolitische Studie am § 365 B.G.B. Greifswald: Verlag von Julius Abel, 1904. S. 26.

деньги займы, носильщики, везущие вещи от такси до вагона поезда на вокзале²¹. Едва ли даже юристы задумываются обо всех юридических последствиях совершаемых ими действий, например прохода через турникет метрополитена. Между тем, несмотря на такое невнимание к юридическим последствиям своих действий со стороны участников гражданского оборота, сам оборот живет и процветает. Незнание гражданами правовых последствий своих действий не просто не освобождает их от ответственности (что понятно), но и не лишает заключенные ими сделки правовой защиты, а значит, такие сделки признаются совершенными. Из этого будет логичным сделать вывод, что для порождения сделки достаточно воли, направленной на достижение некоего экономического результата, а сделка возникает в силу указания правопорядка. Таково, например, мнение Э. Штампе²².

Эта теория кажется логичной, однако страдает одним весьма существенным недостатком, который, разумеется, не скрылся от глаз сторонников *Rechtsfolgetheorie*. Если признать достаточной для возникновения сделки исключительно волю, направленную на определенное экономическое или социальное последствие, то как тогда отграничить волю на сделку, т.е. такую, которая способна породить сделку, снабженную правовой защитой, от воли, которая неспособна на это. Отсюда следует вывод, что либо защита должна предоставляться вообще чему угодно (в том числе и приглашению на свидание или в гости), либо необходимо ввести критерий, который позволит отграничить волю, направленную на порождение сделки, от воли, не направленной на это. Именно поэтому сторонники *Rechtsfolgetheorie* полагают, что воля должна быть направлена именно на порождение правового эффекта (сделки), а не только на достижение каких-то экономических целей²³.

Но не будет ли признание обязательной такой направленности воли противоречить реальности жизни, в которой такую направленность воли увидеть, как убедительно показывают сторонники *Grundfolgetheorie*, практически невозможно? В качестве возражения на это указывается, что вполне достаточно будет одного осознания, что лицо приобретает посредством выражения воли юридическую защиту государства²⁴. Иными словами, носильщик, который берет у клиента багаж, должен осознавать, что его требование об уплате вознаграждения законно и в случае его невыполнения будет защищено правопорядком.

Похожим образом рассуждает И.Б. Новицкий, указывающий, что достаточно, чтобы лицо имело в виду не просто фактическое, а юридическое от-

²¹ Эти примеры как раз и приводит Э. Штампе (*Stampe E.* A.a.O. S. 26).

²² *Ibidem*.

²³ *Kozlowski H., Welsner R.* A.a.O. S. 87–88.

²⁴ *Ibidem*.

ношение, представляло себе юридические последствия хотя бы в самом общем виде²⁵.

Однако даже в том случае, если лицо не рассчитывает на защиту государством его прав из соответствующего правоотношения, ключевым будет являться не столько ожидание защиты своих прав со стороны государства, сколько выбор определенной модели поведения в качестве средства достижения своей экономической цели. Такие модели поведения описываются с юридической точки зрения определенными сочетаниями прав и обязанностей, т.е. правоотношениями. Правоотношения, в свою очередь, возникают из сделок.

Задачей правопорядка является правовая квалификация действий субъектов. Если действие субъекта свидетельствует о наличии у него воли на использование соответствующей модели поведения, т.е. установление определенного правоотношения, такое действие должно квалифицироваться как волеизъявление, порождающее соответствующие правоотношения, т.е. как сделка. В этом смысле действительно достаточно, чтобы на основании действия лица можно было обнаружить волю на установление такого правоотношения, пусть даже сформулированную в самом общем виде.

Однако необходимо отличать две ситуации. Воля лица может быть направлена на установление правоотношения, предусмотренного гражданским законодательством. В этом случае достаточно именно общей направленности воли на использование соответствующей модели поведения. Однако применительно к случаям заключения непоименованных договоров приходится признать, что построение участниками своих отношений по той или иной неизвестной гражданскому закону модели предполагает нацеленность на использование в качестве средства достижения экономической цели конкретного непоименованного правоотношения, причем на уровне достаточно четкой разработки модели такого правоотношения, возникающих в его рамках прав и обязанностей.

Непоименованные договоры заключаются в основном при более сложных, чем повседневные, моделях взаимоотношений сторон, поэтому стороны должны подходить к решению этого вопроса юридически грамотно. И вот здесь уже их воля направлена на вступление в разработанное специально для их целей правовое отношение. Поэтому здесь воля направлена на порождение именно юридических последствий.

Таким образом, в тех случаях, когда лицо либо не задумывается о правовом составляющей той модели поведения, которую оно выбирает для достижения своей экономической цели, либо согласно действовать в полном соответствии законодательной моделью соответствующего договора, достаточно принять решение о достижении экономической цели с помощью той или иной типовой

²⁵ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 190.

модели поведения (модели купли-продажи, модели займа и т.п.). Это решение должно быть юридически квалифицировано как направленное на совершение сделки, порождающей соответствующее правоотношение. В этом случае возникнет конкретное правоотношение в том виде, как это предусмотрено соответствующими нормами права. При этом надо понимать, что даже в том случае, когда с помощью данной сделки объективно невозможно достижение желаемой цели, следует признать сделку совершенной в соответствии с той моделью поведения, которую закрепило лицо в своем решении о совершении сделки.

Если же лицо намерено каким-либо образом отклониться от законодательной установленной модели или вообще намеревается заключить не поименованный в гражданском кодексе договор, четкая формулировка требуемых отклонений или предполагаемой модели должны стать необходимой составной частью решения о совершении сделки. Необходимо также понимать, что это возможно только там и тогда, где и когда такое отклонение допускается правопорядком. Речь идет прежде всего о диспозитивных нормах и о предусмотренной законодательством свободе заключения непоименованных договоров. В таких случаях воля направлена именно на порождение определенных правовых последствий.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что решение, которое образует волю на сделку, должно быть нацелено на достижение социально-экономической цели с помощью такой модели поведения, которая будет соответствовать либо определенной предусмотренной законодательством модели поведения, либо отклоняться от нее в допустимых пределах при условии, что детали этого отклонения также необходимым образом обозначены в решении о совершении сделки.

Волеизъявление в теории юридической сделки

Во всех случаях, когда внутренняя воля имеет значение для правопорядка, она должна проявляться во внешних действиях, поскольку в силу своей психологической природы до этих пор она не может иметь значения для оборота²⁶. На необходимость объективации внутренней воли указывают, наверное, все без исключения авторы с самого момента зарождения учения о сделке²⁷.

Основным способом проявления волеизъявления является волеизъявление. Данная часть работы будет посвящена обсуждению функций и значения волеизъявления в теории юридической сделки.

Можно говорить как минимум о трех функциях волеизъявления. Во-первых, волеизъявление исполняет функцию объективации внутренней воли, т.е. ее про-

²⁶ Merigk A. A.o. S. 605.

²⁷ Ср., например: Savigny F.C. System des heutigen römischen Rechts. Bd. 3. Berlin, 1840. S. 258.

явления вовне. Во-вторых, именно волеизъявление порождает правовые последствия соответствующего волевого акта²⁸. Наконец, волеизъявление выполняет функцию фиксации содержания внутренней воли. Остановимся подробнее на рассмотрении каждой из названных функций.

Функция объективации внутренней воли является, пожалуй, наиболее часто упоминаемой в специализированной литературе. Объясняется это прежде всего уже упоминавшимся всеобщим согласием с необходимостью выражения внутренней воли вовне для придания ей юридического значения.

Некоторые авторы считают сообщение внутренней воли вовне единственной функцией волеизъявления. Такого мнения придерживался, например, Ф.К. Савиньи, считавший волеизъявление в принципе служебным по отношению к воле²⁹. А. Манник также отмечает, что волеизъявление служит исключительно цели объективации воли контрагенту³⁰. Действительно, функция объективации воли является, возможно, наиболее важной функцией, но не единственной.

Волеизъявление независимо от его формы сообщает адресату волеизъявления содержание внутренней воли лица. Соответственно, необходимым условием объективации воли будет являться совершение действующим лицом объективирующего действия и, как правило, восприятие содержания этого действия адресатом.

Значение объективирующего действия трудно переоценить, на него ложится вся нагрузка по исполнению функции сообщения воли на сделку, поэтому объективирующее действие должно отвечать такому требованию, как доступность для восприятия окружающими в качестве волеизъявления. Окружающие должны иметь возможность увидеть в объективирующем действии именно волеизъявление в юридическом смысле. Действие лица, выражающего свою волю, должно быть таким, чтобы любому объективному наблюдателю было ясно, что посредством такого действия лицо совершает волеизъявление, т.е. выражает определенную волю на достижение известных целей с помощью сделки. При этом следует учитывать способ (форму) совершения волеизъявления, язык, на котором совершается волеизъявление, либо обычное значение действия, с помощью которого осуществляется конклюдентное волеизъявление. Для установления соответствия волеизъявления указанному требованию следует рассматривать всю совокупность обстоятельств, сопровождающих действие: место, время, состояние лиц, их поведение.

²⁸ Названные две функции волеизъявления: функцию социальной коммуникации и функцию порождения сделки – выделяет, например, австрийский ученый Ф. Бидлински (см.: *Bydylinski F. Erklärungsbeiwußsein und Rechtsgeschäft // JZ. 1975. № 1*).

²⁹ *Savigny F.C. A.a.O. S. 258.*

³⁰ *Mannik A. A.a.O. S. 604.*

Объективирующее действие может осуществляться различными способами. В литературе³¹ отмечается, что волеизъявление может совершаться в форме явного выражения воли (*ausdrücklich*), т.е. устно, письменно, с помощью средств связи, Интернета; а также путем совершения конклюдентного действия (*konkudent*), в ряде случаев – молчанием (*durch Stillschweigen*)³². Считается, что по общему правилу волеизъявление молчанием невозможно. Исключения составляют случаи, когда стороны обговорили, что волеизъявление молчанием приравнивается к волеизъявлению, а также в случаях, когда таковое допускается законом³³. По общему правилу молчаливое волеизъявление невозможно и в России, однако в качестве исключения допускается акцепт молчанием в том случае, если такая возможность вытекает из закона, обычая делового оборота или из прежних деловых отношений сторон (п. 2 ст. 438 ГК РФ).

Тем не менее представляется сомнительным признать молчание способом совершения волеизъявления. Поскольку в большинстве случаев речь идет о предварительном соглашении сторон либо их предыдущих отношениях, видимо, правильным будет иная трактовка «молчаливого волеизъявления». В большинстве случаев стороны договариваются (путем совершения волеизъявлений), каковы будут последствия при наступлении определенных юридических фактов. Одновременно они соглашаются, что если наступление этих последствий не устраивает кого-то из них, то он может заявить о своем отказе или иным образом изменить предполагаемые последствия. Для этого ему нужно сделать соответствующее волеизъявление. Для того чтобы наступило заранее оговоренное последствие, лицо не должно делать ничего – просто промолчать. Вот это и называется «молчаливым волеизъявлением». В таких случаях речь идет скорее о предоставлении одной из сторон вторичного права отказаться от определенных правовых последствий или определенным образом изменить их. Так называемое «молчаливое волеизъявление» можно будет констатировать в том случае, если сторона предоставленное ей право не реализует (промолчит).

Какое бы действие ни образовывало внешний состав волеизъявления, оно должно являться *преднамеренным*. Этот элемент отсутствует прежде всего при рефлекторных действиях, когда жест, движение лица не регулируются внутренней волевым процессом, а совершаются под влиянием внешних факторов.

³¹ См. подробнее: *Ноевский И.Б.* Указ. соч. С. 195–196; см. также: *Hanau P. Objektive Elemente im Tatbestand der Willenserklärung // AcP. 1965.*

³² Возможность выражения волеизъявления молчанием активно дискутируется в немецкой литературе (см. например: *Fabrizius F. Stillschweigen als Willenserklärung // JuS. 1966. Heft 1; Ebert I. Schweigen im Vertrags- und Deliktsrecht // JuS. 1999. Heft 8.*

³³ *Palandt O. Bürgerliches Gesetzbuch. 63. Auflage. München, 2004. S. 87; Jauernig O. Bürgerliches Gesetzbuch: Kommentar. 11., neubearbeitete Auflage. München, 2004. S. 57.*

А. Манигк отмечает: «Анализ и практика показывают, однако, что порою трудно создать в изъятии правильную картину воли, поскольку идеи, содержащиеся исключительно в мыслях и представлениях одного лица, необходимо переформулировать в языковые знаки, т.е. отлить в определенную форму, в которой они будут доступны и распознаваемы контрагентом»³⁴.

Говоря о волеизъявлении как объективирующем действии, необходимо понимать, что термин «действие» здесь используется в самом широком смысле. Дело даже не в различных формах совершения волеизъявления, а в том, что волеизъявление зачастую не сводится к единичному действию, если под таковым понимать некое отдельно взятое телесное движение.

Д.Д. Grimm отмечает, что действие не только не составляет единственный, но и даже не главный материал для суждений о чужих волевых актах. При анализе действия нужно установить, во-первых, служит ли вообще данное действие проявлением волевого акта, и если да, то, во-вторых, надо выяснить, какой именно волевой акт скрывается за ним, иначе говоря, необходимо определить, истолковать смысла действия. Уже первая часть этой задачи требует для своего разрешения принятия во внимание окружающих условий, при которых был совершен данный ряд координированных движений. Что касается второй части этой задачи, достаточно вспомнить, что однородные знаки и движения могут служить проявлением различных волевых актов и могут быть направлены на различные цели. Кроме того, невозможно на основании единичных действий, совершенных лицом, решить, имеют ли они самостоятельное значение или же являются составными частями более сложных действий³⁵.

Именно поэтому необходимо иметь в виду, что любое телодвижение, направленное на объективацию воли, будучи совершенным в некоем контексте, является одним из многих обстоятельств, указывающих на содержание воли. Помимо самих действий, материалом для суждения о воле лица являются: 1) известный субъект (действующее лицо); 2) известный объект или ряд объектов; 3) известная внешняя обстановка, пространственное соотношение между субъектом, эвентуальным объектом и другими окружающими их предметами и лицами³⁶. В частности, речь может идти о специфических для отношений данных субъектов условных знаках, особых объектах, применительно к которым приняты особые объективирующие действия, либо обстановке, в которой совершается объективирующее действие (например, на аукционе может быть принято выдвигать предложение цены поднятием таблички со своим номе-

³⁴ Manigk A. A.a.O. S. 153.

³⁵ Grimm D.D. Указ. соч. С. 234.

³⁶ Там же. С. 235.

ром). Поэтому материал для толкования и понимания волеизъявления на самом деле значительно богаче, чем кажется на первый взгляд.

Суждения о чужих волевых актах на основании волеизъявления являются, как правильно отмечает Д.Д. Grimm, дедуктивными выводами из суждений по аналогии³⁷. Волеизъявление мы воспринимаем как определенный набор внешних знаков. Этим внешним знакам по нашему внутреннему опыту обыкновенно соответствуют совершенно определенные внутренние душевные состояния, определенные мысли, чувства, желания. На основании этих обобщений мы заключаем, что в данном конкретном случае данному типичному внешнему проявлению, данным внешним знакам обычно соответствует обыкновенное типичное внутреннее состояние³⁸. Это означает, что наше суждение о чужих волевых актах всегда только презумптивное. В деле установления чужой воли из области презумпций мы вообще выйти не можем – спор возможен только по вопросу о степени вероятности употребляемых нами презумпций³⁹. Соответственно, для наиболее точного установления содержания внутренней воли необходимо анализ по возможности всех обстоятельств, при которых совершалось волеизъявление.

Из сказанного следует, что, во-первых, наиболее точно смысл волеизъявления воспринимается в контексте сопровождающих и окружающих его факторов, а во-вторых, всегда существует опасность так называемой взаимной ошибки, когда каждая из сторон вкладывает в волеизъявление различный смысл. Также необходимо помнить, что недопустимо механическое приписывание определенному действию определенных значений.

Разумеется, в такой ситуации существует риск неправильного восприятия волеизъявления по причине, связанной либо с объективирующим действием, либо непосредственно с восприятием. А. Манигк отмечает, что в такой ситуации каждое соответствующее лицо несет риск неправильного восприятия. Так, лицо, изымающее волю, неправильно совершив волеизъявление, может быть поймано контрагентом на слове; в то же время изымающее волю лицо, которое правильно совершило изъятие, может сослаться на содержание этого изъятия, если контрагент неправильно его понял⁴⁰.

³⁷ Ср.: Zitelmann E. Die Rechtsgeschäfte im Entwurf eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Erster Teil. Berlin, 1889. S. 23.

³⁸ Довержува Н.Л. Указ. соч. С. 87. Сам автор отмечает, что такой перевод не является достаточно удачным. Очевидным недостатком его является то, что у Н.Л. Довержува речь идет только о сделках, тогда как речь следовало бы вести именно о волеизъявлениях. Можно было бы перевести эти термины соответственно как требующие восприятия и не требующие восприятия волеизъявления.

³⁹ Manigk A. A.a.O. S. 307–308.

⁴⁰ Так, например, п. 1 ст. 435 ГК РФ определяет, что оферта – это адресованное одному или нескольким лицам предложение.

Что касается необходимости восприятия объективирующего действия, то немецкая доктрина традиционно делит волеизъявления на такие, которые для вступления в силу требуют своего восприятия соответствующим лицом (*empfangsbefürftige Willenserklärung*), и волеизъявления, которые не требуют этого (*nichtempfangsbefürftige Willenserklärung*). Считается, что впервые эти термины предложил Э. Цительмани⁴¹.

Н.А. Дювернуа отмечает удобство указанного деления⁴². Однако не все авторы соглашались с его обоснованностью. Например, А. Манигк полагает, что это разделение не имеет под собой оснований и лишь сужает возможности по сравнению с порочными волеизъявлениями⁴³. Действительно, не существует единого мнения в отношении того, какие волеизъявления не требуют своего восприятия. В российском гражданском праве такое разделение в принципе не закрепляется, если не считать положения п. 2 ст. 435, ст. 436 и 439 ГК РФ.

Если придерживаться этого деления, то следует признать необходимость получения адресатом требующего восприятия волеизъявления, для того чтобы такое волеизъявление могло признаваться правом как волеизъявление в юридическом смысле и было способно породить правовые последствия. Поэтому деление волеизъявлений на требующие и не требующие восприятия адресатом играет важную роль при ответе на вопрос о том, можно ли волеизъявление признать состоявшимся в каждой конкретной ситуации, а также о том, с какого момента его можно признать состоявшимся.

Большинство волеизъявлений требуют восприятия. Это может следовать из закона⁴⁴ либо из существа⁴⁵ волеизъявления. Не требующее восприятия волеизъявление является скорее исключением из общего правила. Таковым признается, как уже отмечалось, например, волеизъявление завещателя, хотя существует точка зрения, что даже завещание вступает в силу только с момента своего открытия (т.е. после смерти завещателя). Согласно этой точке зрения волеизъявление завещателя также требует своего восприятия третьими лицами, чтобы вступить в силу⁴⁶.

Волеизъявление выполняет также функцию порождения правовых последствий волевого акта. Речь идет о совершении в результате волеизъявления сделки, порождающей, изменяющей или прекращающей правоотношения.

⁴¹ Определение акцепта в п. 1 ст. 438 ГК РФ не содержит такой его характеристики, как «адресованность» оференту, однако из существа акцепта очевидно, что он должен быть воспринят оферентом.

⁴² Staudinger J. von. BGB: Eckpfiler des Zivilrechts. Berlin, 2005. S. 48.

⁴³ Grimm Д.Д. Указ. соч. С. 236.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 237.

⁴⁶ Manigk A. A.a.O. S. 150–151.

Порождение соответствующих правовых последствий является целью воли на совершение сделки и, следовательно, целью волеизъявления, которым эта воля объективируется. Уже не раз отмечалось, что внутренняя воля сама по себе остается юридически безразличной категорией до момента ее объективации. Однако эта объективация должна иметь в виду порождение соответствующих правовых последствий. В этом смысле простой рассказ приятелю об имеющемся намерении вступить в сделку еще не будет являться волеизъявлением и, следовательно, не будет порождать правовых последствий, поскольку она проявлялась не для целей создания правовых последствий. Для описания этого постулата немецкая доктрина использует понятие «воли на совершение волеизъявления» (*Erklärungswille*), т.е. желания лица, чтобы его действие было расценено как волеизъявление в правовом смысле⁴⁷.

Кроме того, необходимо отметить, что волеизъявление не выполняет исключительно служебную по отношению к воле функцию. Волеизъявление определяет, какие именно правовые последствия наступят. Поскольку воля скрыта от участников оборота, поскольку не существует возможности доказать ее содержание, то только воля, выраженная в волеизъявлении, порождает правовые последствия. И только за такой волей право может признавать какое-либо значение. Иными словами, волеизъявление придает содержанию воли юридическое значение. С этим связана такая функция волеизъявления, как *фиксация содержания юридически значимой воли*.

Значение этой функции объясняется следующим. Волевой процесс, в рамках которого формируется воля на сделку, есть явление динамичное. Это означает, что под влиянием новой информации или эмоций лицо постоянно оценивает правильность принятого решения. Разумеется, каждой личности свойственны сомнения относительно правильности принятого решения. Более того, решение может много раз меняться в ходе процесса формирования воли, в том числе и после того, как решение о совершении сделки будет принято и даже сообщено адресату. Однако волеизъявление фиксирует содержание воли в том виде, в котором оно было выражено (в том числе в случае неполного выражения воли). Последующие изменения решения, желания, мотивов по общему правилу не могут являться основаниями для изменения уже выраженной юридически значимой воли⁴⁸. Это объясняется необходимостью защиты интересов других участников оборота, которые полагаются на содержание выраженной воли и на ее неизменность. В тех случаях, когда защита интересов третьих лиц не требуется, ли-

⁴⁷ Flume W. A.a.O. S. 46–47.

⁴⁸ См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 43; Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 195.

цо может в одностороннем порядке изменить уже принятое решение о совершении сделки⁴⁹.

В связи с существующим риском расхождения в восприятии значения волеизъявления разными лицами необходимо коротко обратиться к анализу вопроса о соотношении воли и волеизъявления. Известно, что некоторые ученые приписывают основную роль в возникновении сделки внутренней воле (теория воли), тогда как другие — волеизъявлению (теория изъявления)⁵⁰. Кроме того, существуют компромиссные теории, например теория доверия⁵¹.

Суть указанных теорий обычно описывают следующим образом. На вопрос о том, что действует в случае порока воли, три теории отвечают по-разному:

- либо в любом случае действует то, что действительно соответствует истинной свободной воле лица (теория воли);
- либо в любом случае действует то, что выражено, несмотря на порок воли (теория волеизъявления);
- либо действует то, что выражено, по крайней мере тогда, когда адресат волеизъявления доверился содержанию внешнего состава волеизъявления (теория доверия)⁵².

Однако эта традиционная трактовка не совсем точна. На это обращает внимание А. Манигк⁵³, который отмечает, что в основе противоречий двух теорий (теории воли и теории волеизъявления) лежит фундаментальное неправильное понимание взглядов друг друга. Предполагаемое противоречие восходит к господствующей среди сторонников теории волеизъявления ошибке, что якобы сторонники теории воли учили, что не изъявление, а именно внутренняя воля *позитивно* определяет сделочные последствия.

Это, однако, не утверждалось никогда и ни одним автором, включая Ф.К. Савиньи. В нормальном случае не имеет значения, чему отдается приоритет — воле или волеизъявлению. Проблема возникает только в случае расхождения воли и изъявления. В этом случае даже радикальные сторонники теории воли никогда не утверждали, что сделочные последствия будут позитивно определяться внутренней, не выраженной в изъявлении волей стороны. Вопрос всегда стоял только о том, должно ли право с оглядкой на внутреннюю волю поддержать или

⁴⁹ Например, в силу абз. 2 п. 2 ст. 435 ГК РФ оферта может быть отозвана до или одновременно с ее получением адресатом.

⁵⁰ См. подробнее: *Flume W.* A.a.O. S. 54 ff.

⁵¹ И.А. Покровский, однако, отождествлял теорию доверия и теорию волеизъявления (см.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 247).

⁵² *Dernburg H.* Die allgemeine Lehren des bürgerlichen Rechts des Deutschen Reichs und Preusens. Halle, 1902. S. 328.

⁵³ *Manigk A.* A.a.O. S. 154.

отменить последствия изъявления. Таким образом, обе теории на самом деле всегда имели общий корень: позитивные правовые последствия волеизъявления могут определяться только изъявлением.

А. Манигк убедительно доказывает это положение следующим примером: «Так, если продавец имел в виду иной товар (x), а не тот, о котором он сказал (y), то он может отказаться в порядке § 119 BGB от исполнения в отношении товара (y), но не обязан поставить товар (x). Это позитивное последствие не возникает, поскольку на него была направлена только внутренняя воля, если она не была выражена в изъявлении. *Отклоняющаяся воля может только в крайнем случае порушить, но не породить правовое последствие*» (курсив мой. — А.П.).

Позиция теории волеизъявления строилась на двух основных постулатах: «1. Единственным имеющим значение элементом состава является изъявление. Из этого делается следующее, кажущееся правильным с логической точки зрения, но губительное для теории заключение (принцип): II. Содержание внутренней воли по отношению к волеизъявлению полностью безразлично»⁵⁴.

Очевидно, что признание законодательством возможности оспаривать сделку, совершенную под влиянием ошибки, автоматически лишило радикальную теорию волеизъявления почвы для существования.

Ни в одном более-менее развитом правовом порядке не представлена теория воли или теория волеизъявления в чистом виде, поскольку «обе теории могут существовать только на основании нежизненных абстракций и никогда не будут санкционированы развитым правовым порядком»⁵⁵. Под вопросом остается только то, в каком объеме внутренняя воля в составе волеизъявления заслуживает защиты.

Пороки воли в теории юридической сделки

Цель настоящей работы не предполагает детальной разработки отдельных видов порока воли. Скорее мы видим нашей задачей разработку доктринального понимания категории пороков воли, прежде всего на основании предложенной в настоящей работе трактовки категории воли. Также представляется необходимым исправить наметившееся в этой области непонимание со стороны судов и практикующих юристов самой сути отдельных пороков воли.

Необходимо сразу оговориться, что объем категории «порок воли», ее наполнение не являются вполне устоявшимися в науке гражданского права. Но во всяком случае к порокам воли обычно относятся заблуждение, обман, угроза,

⁵⁴ *Ibid.* S. 151.

⁵⁵ *Ibid.* S. 170.

насилие (ст. 178 и 179 ГК РФ)⁵⁶. Именно на основании анализа этих пороков воли и будет построено настоящее исследование.

Изучение судебной практики последнего времени показывает, что российские суды вплоть до самого высокого уровня рутинно используют, применяя, в частности, ст. 178 ГК РФ, следующую формулировку: «по смыслу ч. 1 ст. 178 ГК РФ сделкой, совершенной под влиянием заблуждения, признается сделка, в которой волеизъявление стороны не соответствует подлинной воле, то есть по такой сделке лицо получило не то, что хотело (курсив мой. — А.П.)»⁵⁷.

Судебной практике также известна аналогичная трактовка пороков воли, указанных в ст. 179 ГК РФ: «Сделки, указанные в данной статье (ст. 179 ГК РФ. — А.П.), относятся к сделкам, совершенным с пороком воли, когда волеизъявление и подлинная воля потерпевшего не совпадают (курсив мой. — А.П.)»⁵⁸.

Понимание пороков воли, в частности, на примере заблуждения в качестве случаев расхождения волеизъявления и истинной воли достаточно часто встречается в современной отечественной литературе⁵⁹. Также следует отметить, что Р.О. Халфина относила вступление в договор вследствие заблуждения к случаю несоответствия волеизъявления воле⁶⁰.

Если проанализировать приведенную цитату, сразу становится ясно, что, помимо всего прочего, смешиваются два случая «несоответствия»: во-первых, говорится о несоответствии волеизъявления подлинной воле, а во-вторых, указывается на несоответствие результата желанию стороны.

Разберем обе указанные трактовки заблуждения по порядку.

⁵⁶ Также к порокам воли с разной степенью обоснованности относят неспособность лицом понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), злонмеренное согласование представителя с другой стороной, кабалность (ст. 179 ГК РФ) (см., например: Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2003. С. 290), мнимость, притворность сделки (ст. 170 ГК РФ) (см., например: Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. München, 2004. S. 643 ff.), совершение сделки представителем за пределами полномочий (см., например: Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 85).

⁵⁷ См., например: Определение ВАС РФ от 4 октября 2010 г. № ВАС-12643/10; постановление ФАС Центрального округа от 5 мая 2010 г. № Ф10-1678/10 по делу № А48-3920/2009; постановление ФАС Северо-Западного округа от 17 октября 2000 г. по делу № А26-2334/2000-01-05/72.

⁵⁸ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26 июня 2009 г. по делу № А26-4438/2008; см. также: постановление ФАС Северо-Западного округа от 14 мая 2002 г. № А56-14047/01; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 ноября 2009 г. № 09АП-20893/2009-ГК по делу № А40-62594/09-97-561.

⁵⁹ См., например: п. 1 комментария к ст. 178 ГК РФ (Комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2007); п. 1 комментария к ст. 178 ГК РФ (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). 3-е изд., исправленное, переработанное и дополненное / Под ред. О.Н. Садикова. М., 2005).

⁶⁰ Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1952. С. 222.

Итак, суды и некоторые комментаторы утверждают, что заблуждение означает несоответствие волеизъявления подлинной воле стороны. При заблуждении лицо принимает определенное решение под влиянием неправильного представления о тех или иных фактах. Тем не менее лицо принимает определенное решение и у него формируется воля на совершение сделки. Эта воля и выражается в волеизъявлении лица. При этом никакого расхождения не обнаруживается. Чтобы исправить этот недостаток, говорят об «истинной» или «подлинной» воле, противопоставляя ее воле выраженной.

Если обратиться к историческому развитию учения о пороках воли, в частности об ошибке, то начать следует с учения Ф.К. Савиньи, которого принято считать основоположником современного учения о сделке. Немецкий пандектист отдавал именно воле первостепенное значение в сделке: «Воля должна рассматриваться как единственно важное и творческое, и только потому, что она представляет собой внутреннее, скрытое явление, нам необходим знак, по которому воля обнаруживается, и есть ее выражение. Отсюда следует, что соответствие между волей и ее выражением не есть нечто случайное, а составляет их нормальное соотношение»⁶¹. При этом ученый, разумеется, допускает возможность расхождения между волей и волеизъявлением: «В таком случае возникает противоречие между волей и выражением ее, в результате получается ложное проявление воли, или то, что я называю выражением без воли»⁶².

Ф.К. Савиньи делит все случаи несоответствия воли волеизъявлению на намеренные и ненамеренные⁶³, а к последним, среди прочего, также относится и ошибка в выражении воли (*Erklärungsirrtum*)⁶⁴.

Необходимо понимать, что с точки зрения немецкой доктрины со времен Ф.К. Савиньи до наших дней ошибки делились на два вида: ошибки в выражении воли (*Erklärungsirrtum* и *Inhaltsirrtum*) и ошибки в мотивах (*Irrtum in Beweggründen*). К случаям ошибок в выражении воли обычно относят описки, оговорки, опечатки⁶⁵. В этом случае действительно объективное выражение воли, воспринимаемое адресатом и третьими лицами, не соответствует внутренней воле лица, поэтому немецкий ученый и называет эти случаи «изъявлением

⁶¹ Savigny F.C. A.a.O. S. 258.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid. S. 259.

⁶⁴ Ibid. S. 283 ff.

⁶⁵ Такие ошибки известны не только немецкому правопорядку. Например, в итальянской литературе их принято именовать «препятствующими ошибками» (*errore ostativo*), поскольку они препятствуют совершению сделки (см., например: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2002. С. 84; Франчози Дж. Институционный курс римского права / Пер. с итальянского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2004. С. 59; Betti E. Teoria generale del negozio giuridico. Torino, 1952. P. 420).

без воли» (*Erklärung ohne Wille*). Такое волеизъявление является ничтожным, поскольку порождает правовые последствия, не соответствующие воле совершившего такое волеизъявление лица. Однако необходимым условием для недействительности сделки по этому основанию будет являться распознаваемость для адресата действия имеющегося несоответствия волеизъявления воле⁶⁶.

В отечественном гражданском законодательстве не предусмотрены правовые последствия ошибки при совершении волеизъявления⁶⁷. Соответственно, случай ошибки, когда действительно имеется несоответствие воли волеизъявлению, для нашего права не имеет значения. Хотя Н.В. Рабинович, признавая отсутствие специального регулирования, предлагала оспаривать сделки, совершенные в результате, скажем, описки недействительными по нормам о заблуждении⁶⁸, это представляется невозможным. Связана такая невозможность как раз с тем, что такие ошибки принципиально отличаются от случаев заблуждения или ошибок в мотивах, о которых речь пойдет дальше⁶⁹.

Что касается ошибок в мотивах, то именно они интересуют нас больше всего в рамках настоящего исследования, поскольку именно такие ошибки являются немецкими аналогами заблуждения при совершении сделки, известного российскому праву.

Примечательно, что Ф.К. Савиньи рассматривает ошибки в мотивах не в параграфах, посвященных расхождению между волей и волеизъявлением, а отдельно. При этом цивилист считает, что ошибка в мотивах, так же как принуждение, делает сделку не ничтожной, а оспариваемой, поскольку в этих случаях нельзя говорить об отсутствии воли⁷⁰.

В продолжение рассуждений Ф.К. Савиньи А. Бринц также разделяет ошибки в выражении воли и ошибки в мотивах, поскольку во втором случае нельзя говорить об отсутствии воли: «Ошибочность представления о действии, чего бы она ни касалась, будь это содержание действия, основание, цель его или обстоятельства, при которых действие совершается, никогда не исключает желания

⁶⁶ Ibid. С. 259. Правда, А. Манник считает, что в этом случае нет необходимости в том, чтобы ошибка была заметна контрагенту, поскольку тогда недостаток исправляется путем толкования волеизъявления (см.: Манник А. А.о.С. 160).

⁶⁷ См.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 306; см. также Определение ВАС РФ от 30 сентября 2010 г. № ВАС-13020/10.

⁶⁸ Рабинович Н.В. Указ. соч. С. 85.

⁶⁹ В связи с этим хотелось бы отметить, что предложение дополнить ст. 178 ГК РФ, с тем чтобы позволить оспаривать сделки, совершенные в результате ошибки в выражении воли, вызывают определенные нарекания. Мы поддерживаем идею включения таких ошибок в число оснований для оспаривания сделок, но не можем согласиться с предложенным способом их включения. В проекте они фактически отождествляются с иными видами существенного заблуждения (относительно тождества предмета или сделки и т.п.), с которыми при ближайшем рассмотрении не имеют ничего общего.

⁷⁰ Savigny F.C. A.a.O. S. 100.

действовать, а напротив, весьма часто является причиной того, что человек захочет что-либо или решается на что-либо»⁷¹. Таким образом, А. Бринц также полагает, что в случае ошибки в мотивах выраженная воля лица соответствует его волевому решению вступить в сделку. Проблема же заключается в том, что воля формировалась под влиянием заблуждения.

Также интересно мнение Й. Колера, высказанное, правда, в несколько ином контексте, но имеющее значение и для целей настоящего исследования: «Совершенно невозможно, чтобы волевой акт сознательно сам себе противоречил, чтобы он сознательно породил изъявление без воли. Возможно, что воля, переходя в действие, уклоняется в сторону... что волевое движение вступает на ложный путь и не достигает цели; но невозможно, чтобы воля одновременно шла по правильному, т.е. по указанному ее стремлением пути, и вместе с тем не шла по нему, чтобы она одновременно действовала и не действовала, как невозможно, чтобы убийца одновременно и наносил удар и не наносил его. Подобное предположение может быть сделано в том случае, если придавать значение вмести единственно важного волевого акта — несуществующим внутренним волевым движениям, безразличным течениям в сфере зарождения воли»⁷². Применительно к случаям мнимой сделки Й. Колер усомнился в возможности утверждать, что волеизъявление якобы противоречит воле, если только не попытаться эту самую «волю» обнаружить в области мотивов, под влиянием которых происходит волевой процесс. Представляется, что это замечание верно также для целей нашего исследования.

Что касается современной немецкой цивилистической доктрины, немецкие цивилисты четко ограничивают порок волеобразования (*Mangel in der Willensbildung*) от порока волеизъявления (*Mangel in der Erklärung*)⁷³. В первом случае речь идет о формировании воли под влиянием заблуждения, а во втором — об ошибке при свершении волеизъявления.

В отечественной литературе также встречается трактовка, аналогичная приведенной выше. Например, у В.И. Синайского встречается намек на то, что при пороках воли лицо выражает именно свою сделочную волю, которая, однако, сформировалась под воздействием ошибки, обмана или принуждения⁷⁴.

И.Б. Новицкий, обсуждая пороки воли, отмечает, что волеизъявление в этих случаях не расходится с волей, но воля сложились или под давлением, или вследствие неправильного представления лица об обстоятельствах, имеющих отно-

⁷¹ Brinz A. Lehrbuch der Pandekten. 2. Aufl. Bd. 4. Erlangen, 1895. S. 29.

⁷² Kohler J. Studien über Mentaleservatien und Simulation // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. 1878. Bd. 16. S. 94.

⁷³ См., например: Larenz K., Wolf M. A.a.O. S. 643.

⁷⁴ Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 149. (Классика российской цивилистики.)

шение к соответствующей сделке. Правильнее поэтому говорить не о несоответствии между волей и волеизъявлением, а о пороках образования определенной воли⁷⁴. Эта же мысль проводится автором применительно к заблуждению. Как отмечает советский цивилист, в случае заблуждения можно говорить о «пороке воли», так как хотя волеизъявление вполне соответствует воле лица, но сама воля, само внутреннее решение складывается под влиянием ошибочных представлений об обстоятельствах, относящихся к данной сделке, и в этом смысле страдает пороком⁷⁵.

Н.В. Рабинович занимает в какой-то степени промежуточную позицию. С одной стороны, она утверждает, что при пороках воли нет расхождения между волей и волеизъявлением. С другой стороны, ученый акцентирует внимание именно на формировании воли, не соответствующей истинным желаниям: «Недостатком всех сделок данной категории является то, что самое формирование воли участника сделки не происходит нормальным путем, а протекает либо под влиянием неправильных представлений, либо под давлением действий контрагента или третьих лиц. Поэтому образовавшееся у субъекта намерение вступить в данную сделку не соответствует его подлинным желаниям и устремлениям, которыми он руководствовался бы, если бы действовал свободно»⁷⁶.

В.А. Ойгензихт, так же как И.Б. Новицкий, полагает, что в случае заблуждения нельзя говорить о несогласии воли и волеизъявления. Речь идет о пороке формирования воли, намерений субъекта⁷⁷. При этом, ставя под сомнение правильность выражения «соответствие воли и волеизъявления», ученый предлагает говорить о «соответствии решения намерению»⁷⁸.

В современной литературе О.В. Гутников опять-таки вслед за И.Б. Новицким указывает, что при заблуждении волеизъявление соответствует воле, но эта воля формируется неправильно⁸⁰.

Как видно, многие ученые соглашаются, что в случае с заблуждением нельзя говорить о несоответствии волеизъявления воле. Полагаем, это действительно так. В случае с заблуждением в процесс формирования воли вмешивается фактор неправильного представления о неких фактах реальной действительности. Под влиянием этого неправильного представления формируется воля на совершение сделки, которая и издается адресату. Таким образом, волеизъявление в полной мере соответствует воле на сделку.

⁷⁴ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 199.

⁷⁵ Там же. С. 293.

⁷⁶ Рабинович Н.В. Указ. соч. С. 62–63.

⁷⁷ Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 211.

⁷⁸ Там же. С. 209.

⁸⁰ Гутников О.В. Указ. соч. С. 305.

Именно поэтому для определения заблуждения через соотношение воли и волеизъявления приходится говорить о несоответствии волеизъявления «истинной» воле. Непонятным остается, что именно понимается под этой «истинной» волей. Очевидно, что речь не идет о решении совершить сделку (т.е. воле на сделку), поскольку ее-то волеизъявление воспроизводит правильно. Это означает, что «истинная» воля лица должна быть найдена на более ранней стадии процесса формирования воли. Однако здесь возникают определенные проблемы.

Во-первых, непонятно, в какой из моментов волевого процесса можно с уверенностью сказать, что сформировалась некая «истинная» воля. В ходе волевого процесса, как уже говорилось, лицо, как правило, выбирает между различными способами достижения своих целей. Процесс выбора означает, что в один момент времени лицо может склоняться к одному варианту действий, а в следующий момент может изменить решение на прямо противоположное. До того момента, как лицо приняло решение совершить сделку и выразило его, невозможно говорить о том, что у лица сформировалась какая-то сделочная воля. Фактически сторонники этого подхода предлагают рассматривать волеизъявление на предмет его соответствия еще до конца не сформировавшемуся желанию лица. Кроме того, странен сам подход, что содержание волеизъявления должно сравниваться не с волей на сделку как ближайшей предпосылкой волеизъявления, а с содержанием «воли» на более отдаленной по времени стадии волевого процесса.

Во-вторых, непонятно, каким образом предполагается устанавливать содержание «истинной» воли, чтобы сравнить с ним содержание волеизъявления. Учитывая презумптивность нашего суждения о чужих волевых актах, установление «истинной» воли априори невозможно⁸¹.

Таким образом, правильнее было бы говорить не о несоответствии волеизъявления «истинной» воле, а о воздействии заблуждения на процесс формирования воли.

Несоответствие результата желанию лица также нельзя считать удовлетворительным пониманием сущности заблуждения при совершении сделки. Это связано с наличием сразу двух «переменных», которые якобы не соответствуют друг другу.

С одной стороны, речь идет о «результате» сделки. При этом непонятно, имеется ли в виду правовой результат волеизъявления (порождение, прекращение или изменение правоотношения), некий конечный результат или цель, к которой стремится лицо, совершающее волеизъявление, или нечто третье. Если говорить об общей цели, то непонятно, насколько приближена она должна быть к сделке: реализуется ли такая цель непосредственно при помощи

⁸¹ Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 237–238.

сделки или сделка является только одним из звеньев в цепи действий индивида на пути к счастью.

С другой стороны, речь идет о желании, т.е. в конечном счете о той же самой «истинной» воле или даже об элементе, находящемся еще на более ранней стадии волевого процесса. По указанным выше причинам недопустимо анализировать волеизъявление или (в данном случае) некий эфемерный результат с точки зрения его совпадения с желанием или мотивом.

Возможно, причиной такого понимания заблуждения явилось следование сформулированному еще Ф.К. Савиньи положению о необходимости соответствия воли волеизъявлению⁸², многократно повторенному впоследствии разными авторами. И.Б. Новицким было в свое время сформулировано понимание сделки как единства воли и волеизъявления⁸³. Кроме того, могло оказать влияние чрезмерное увлечение теориями соотношения воли и волеизъявления, о которых говорилось ранее. Теории эти в первую очередь были сформулированы применительно к случаям ошибки в выражении воли, а не заблуждения в тесном смысле, которое нашло отражение в ГК РФ.

Таким образом, очевидно, что использовать приведенные определения сделки, совершенной под влиянием заблуждения, можно только в качестве своего рода ритуальной формулы, не несущей никакого смысла. Они не описывают реального положение дел при заблуждении, а потому не могут служить надежным ориентиром для участников оборота или правоприменителей.

К сожалению, господствующее в литературе психологическое понимание воли не позволяло авторам в полной мере раскрыть понятие заблуждения. Руководствуясь психологическим пониманием воли, ученые концентрировали внимание именно на отклонениях в процессе формирования воли. При этом такие отклонения опять-таки приходилось оценивать с точки зрения неких «истинных» желаний. Такая оценка, в свою очередь, не может быть сколь-нибудь более плодотворной, чем оценка соответствия волеизъявления желанию.

Д.Д. Гримм отмечает, что методологическая ошибка Ф.К. Савиньи, повторенная большинством последующих исследователей, заключается в смешении двух категорий: заблуждения с психологической точки зрения и заблуждения, имеющего юридическое значение⁸⁴. С психологической точки зрения можно говорить о заблуждении в любом случае, когда воля формируется под влиянием (пусть даже и незначительным) ложного представления о каких-либо фактах. Однако не любое заблуждение будет иметь юридическое значение. В результате получается своего рода двухступенчатая квалификация: сначала устанавлива-

⁸² Savigny F.C. A.a.O. S. 96.

⁸³ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 195.

⁸⁴ Гримм Д.Д. Указ соч. С. 248.

ется наличие заблуждения с психологической точки зрения, а затем устанавливается его юридическое значение.

Указанная методологическая ошибка связана именно с тем, что во главу угла ставятся рассуждения (безусловно, правильные) о влиянии заблуждения на процесс формирования воли.

На наш взгляд, основное внимание необходимо уделять именно фактору, а не последствиям его воздействия. В конце концов не всякое психологическое заблуждение приводит к возможности оспаривать сделку. И решение вопроса о том, какое заблуждение считать существенным, в конечном счете остается на откуп законодателю. Именно воздействие факторов, предусмотренных законом (в данном случае — существенного заблуждения), опорочивает процесс формирования воли, а потому делает волю порочной, т.е. сформированной под влиянием предусмотренного законом в качестве недопустимого фактора.

Такое понимание заблуждения позволит избежать соблазна разыскивать «истинную» волю, поскольку эта «истинная» воля должна быть irrelevantна с точки зрения права наравне с мотивами. Кроме того, это избавляет нас от необходимости устанавливать содержание «истинной» воли и сравнивать его с содержанием волеизъявления. Нам необходимо только установить факт наличия заблуждения в отношении определенного факта реальной действительности, а затем понять, должно было такое заблуждение оказать существенное влияние на процесс формирования воли или нет. Если такое существенное воздействие имело место, сделка, совершенная в результате воздействия такого заблуждения на процесс формирования воли, может быть признана недействительной (ст. 178 ГК РФ).

Различие между заблуждением (ст. 178 ГК РФ) и ошибкой при совершении волеизъявления как раз и заключается в том, что в случае с заблуждением имеется некий порок в процессе формирования воли. В случае ошибки при совершении волеизъявления такого порока не было, воля сформировалась относительно безупречно, но при совершении волеизъявления лицо по той или иной причине допускает ошибку в действиях, входящем в состав волеизъявления. В последнем случае речь идет о расхождении воли и волеизъявления⁸⁵. Именно поэтому неправильно было бы называть такую ошибку «существенным заблуждением», как сделали авторы проекта изменений в ГК РФ.

Необходимо разрешить еще один вопрос, а именно: насколько предлагаемая применительно к заблуждению конструкция порока воли приемлема для объяснения иных видов пороков воли — обмана, насилия, угрозы, кабальности?

При обмане решение воли складывается под воздействием обмана. Следовательно, воля формируется несвободно, что является основанием для ос-

⁸⁵ См., например: Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 210-211.

наравления соответствующей сделки⁵⁶. И.Б. Новицкий не противопоставляет обман заблуждению, но и не объединяет их в одну группу. Различаются они тем, что основанием для предоставления права оспаривания применительно к обману называется свобода формирования воли, а применительно к заблуждению — формирование воли под влиянием недостоверной информации. На это иногда указывается в судебной практике: «При обмане воля не расходится с волеизъявлением, но она формируется иным образом, чем если бы обмана не было»⁵⁷.

На самом деле заблуждение отличается от обмана только вопросом о добросовестности другой стороны. С точки зрения воздействия на процесс формирования воли отличий одного от другого нет. В обоих случаях воля формируется под воздействием ложной информации. Все остальное относится к политико-правовым причинам регулирования законодательством соответствующего налета отношений особым образом: для оспаривания в случае обмана имеется больше возможностей, чем при совершении сделки под влиянием заблуждения. К теме настоящей работы эти вопросы не имеют отношения и должны подниматься при рассмотрении отдельных видов пороков воли.

Поэтому с точки зрения представления об обмане как пороке воли можно также говорить, что на процесс формирования воли на сделку оказывает влияние фактор, с действием которого законодательство связывает определенные последствия — предоставление возможности оспаривания сделки.

Применительно к насилью И.Б. Новицкий полагает, что оно превращает лицо в орудие воли другого, средство выражения воли этого другого лица. Поэтому сделку, совершенную лицом под влиянием насилия, нельзя вообще считать выражением воли того, от кого волеизъявление внешним образом исходит. В то же время при угрозах лицо все-таки выражает свою волю, хотя и под психическим давлением. Это различие автор объясняет крайней степенью напряжения давления на волю при осуществлении насилия⁵⁸. Г.Ф. Шершневич также писал в свое время, что лицо, подвергшееся насилию, лишается при этом возможности действовать своей волей. О.С. Иоффе идет еще дальше, предполагая, что при угрозе внутренняя воля вообще отсутствует, а есть только голое волеизъявление, а при насилии даже нет волеизъявления⁵⁹. Необходимо отметить также, что ка-

⁵⁶ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 304–305.

⁵⁷ См., например, постановления ФАС Северо-Западного округа от 1 декабря 2008 г. по делу № А66-55/2008. В то же время в постановлении ФАС Северо-Западного округа от 14 мая 2002 г. № А56-14047/01 суд посчитал, что случаи обмана, так же как случаи заблуждения, характеризуются несоблюдением волеизъявления и подлинной воли стороны.

⁵⁸ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 311.

⁵⁹ Цит. по.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 327.

бальные сделки относятся у И.Б. Новицкого также к сделкам с пороком воли, что, однако, никак не раскрывается⁶⁰.

Представляется, однако, что данные утверждения не совсем верны. Во-первых, сделки, совершенные под влиянием насилия, угрозы и тяжелого стечения обстоятельств (кабальные), суть сделки, совершенные под принуждением. В первом случае принуждение будет физическое или психическое, во втором — психическое, в третьем — экономическое. Можно говорить о разной степени общественной опасности соответствующих деяний, но это не имеет значения с точки зрения теории пороков воли. С этой точки зрения они признаются законодателем одинаково опасными, поскольку во всех случаях потерпевшему предоставляется право оспаривать сделку.

С точки зрения процесса формирования воли лицо во всех трех случаях оказывается перед выбором: совершить сделку или подвергнуться негативным последствиям своего отказа. Порочность сделки, совершенной под влиянием угрозы, И.Б. Новицкий сводит к порочности мотивов: когда мотивом сделки является желание избежать применения угрозы, с таким мотивом считаются и позволяют на него сослаться, чтобы добиться признания сделки недействительной. Сделку позволяют оспорить, поскольку ее совершение обусловлено мотивами, существование которых законом не допускается⁶¹. Но точно так же можно сказать, что при совершении сделки в результате заблуждения или обмана лицо также может сослаться на порочность своих мотивов, поскольку психологически любое заблуждение является заблуждением в мотивах⁶². Отличие заключается лишь в том, что при заблуждении или обмане лицо делает свой выбор в пользу сделки, еще не зная о воздействии определенного фактора на процесс формирования воли, в то время как под влиянием принуждения лицо осознанно выбирает совершение сделки, чтобы освободиться от воздействия принуждения. Как правильно подмечает Э. Пферше, в случае принуждения лицо сознательно говорит неправду⁶³.

Поэтому неверно утверждать, что в случае какого-либо из видов принуждения следует говорить об отсутствии воли или голом волеизъявлении. И воля, и волеизъявление присутствуют в сделке, совершенной под влиянием принуждения. На это указывает хотя бы тот факт, что такая сделка является только оспоримой, а не ничтожной. Но воля формируется действительно не свободно, а под воздействием определенных факторов, воздействие которых на процесс формирования воли не допускается законодательством. Разумеется, мотивом для за-

⁶⁰ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 316.

⁶¹ Там же С. 313. В том же смысле высказывается О.В. Гутников (Гутников О.В. Указ. соч. С. 328).

⁶² Гримм Д.Д. Указ. соч. С. 276.

⁶³ Pfersche E. Die Irrthumlehre des Oesterreichischen Privatrechts. Graz, 1891. S. 55–56.

заключения сделки будет желание лица освободиться от воздействия принуждения, но мотивы по общему правилу не имеют юридического значения. Юридическое значение имеет сам факт воздействия принуждения на процесс формирования воли.

С этой точки зрения принуждение концептуально не отличается от заблуждения или обмана. И.Б. Новицкий не рассматривает заблуждение, обман и принуждение как разновидности одного правового явления — пороков воли. Связано это, по всей вероятности, с тем, что при своем анализе цивилист отталкивался не от юридико-технического значения каждого из названных факторов, а от политико-правовых причин предоставления защиты участникам оборота в каждом из указанных случаев. Политико-правовые основания для предоставления права оспаривания здесь действительно могут отличаться. Но именно юридические свойства этих явлений позволяют объединить их в общую группу пороков воли.

Исходя из сказанного, сделку с пороком воли следует понимать как сделку, возникающую в результате существенного воздействия одного из факторов, признаваемых законом недопустимыми, на процесс формирования воли на сделку. К порокам воли будут относиться заблуждение, обман, насилие, угроза и стечение тяжелых обстоятельств (кабальность).

Выведение предложенного определения порока воли не только доктринальный, но и практический интерес. В принципе, доктринальное определение пороков воли должно оказывать влияние на формулирование предмета доказывания по спорам, связанным с оспариванием сделок по этим основаниям. Например, если заблуждение понимать как несоответствие волеизъявления «истинной» воле, то в предмет доказывания по таким спорам должно входить содержание «истинной» воли. Кроме того, в предмет доказывания по ст. 178 ГК РФ будет входить сам факт заблуждения, его существенность с точки зрения закона и его значимость для заключения данной конкретной сделки.

На основании предлагаемого здесь определения порока воли в предмет доказывания, например, по ст. 178 ГК РФ будет входить сам факт наличия существенного с точки зрения закона заблуждения, а также значимость его влияния на процесс формирования воли действующего лица. Такое определение предмета доказывания в любом случае правильнее, поскольку исключает необходимость доказывания «истинной» воли, содержание которой с достаточной степенью точности установить невозможно по определению. Во всяком случае это исключит возможность спекуляции на «желании» или «мотивах» лица и их несоответствии тому, что было выражено в волеизъявлении, или тем более результатам, достигнутым с помощью совершенной сделки.

Точно так же при оспаривании сделки на основании ст. 179 ГК РФ необходимо доказывать именно факт воздействия запрещенного законом фактора

(обмана или принуждения) на процесс формирования воли, а также значимость этого воздействия для процесса принятия лицом решения о совершении сделки.

Выводы

На основании изложенного в настоящей работе материала можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, воля как элемент состава сделки представляет собой принятое в результате внутреннего регулятивного процесса решение о совершении соответствующей юридической сделки, выраженное в волеизъявлении. Такая воля должна быть направлена на порождение определенных правовых последствий. В качестве имеющей такую направленность должно квалифицироваться также решение лица, из которого можно сделать вывод о том, что для достижения определенной социально-экономической цели лицо намеревается использовать одну из стандартных договорных моделей, предусмотренных законодательством.

Во-вторых, волеизъявление является необходимым атрибутом юридически значимой воли, поскольку именно в результате волеизъявления такое решение о совершении сделки становится элементом состава сделки. Волеизъявление выполняет три функции: функцию объективации содержания внутренней воли, функцию порождения правовых последствий, на которые внутренняя воля направлена, а также функцию фиксации содержания внутренней воли лица.

Наконец, в-третьих, сделкой, совершенной под влиянием порока воли, следует признавать сделку, в которой на процесс формирования порока воли о совершении сделки осуществлялось воздействие предусмотренных законом факторов (заблуждения, обмана, угрозы, насилия или крайней нужды).

Хотелось бы надеяться, что высказанные в настоящей работе мысли смогут породить научное обсуждение поднятых здесь проблем, а дискуссия, в свою очередь, позитивно скажется на развитии отечественной теории юридической сделки.